

КАЧЕСТВО НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Д. А. Рубан

*Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского
(Первый казачий университет)*

Поступила в редакцию 2 марта 2022 г.

Аннотация: наука и высшее образование могут выступать проводниками «мягкой силы». На примере двух «свежих» негативных кейсов не только показана важность исследовательской деятельности для утверждения авторитета страны в мировом пространстве, но и выявлена значимость качества научного потенциала для успешности «мягкой силы». Государственные инициативы по закреплению российской науки на международном уровне видятся полностью корректными, а любого рода высококлассные исследования и публикационная активность рассматриваются как практически значимые в геополитическом аспекте.

Ключевые слова: геополитические интересы, исследования, публикационная активность.

Abstract: science and higher education are able to guide «soft power». Two «fresh» case examples demonstrate not only the importance of research activity for country positioning in the world's space, but also the significance of the quality of scientific potential for «soft power» successfulness. State initiatives of fixing the international level by the Russian science are fully correct, and all kinds of high-class research and publication activity are thought to be practically important in the geopolitical aspect.

Key words: geopolitical interests, research, publication activity.

Утверждение авторитета страны в мировом пространстве необходимо для активного отстаивания и продвижения национальных интересов, привлечения инвестиций и интеллектуального капитала, формирования позитивного внутреннего и внешнего имиджа, упрочнения государственности, а также стимулирования патриотических настроений в обществе. Соответствующие задачи могут решаться в том числе с использованием инструментов и механизмов так называемой «мягкой силы», понятие о которой было введено в конце XX в. американским политологом Дж. Наем [1]. Впоследствии это понятие получило развитие в многочисленных работах как зарубежных [2; 3], так и отечественных специалистов [4; 5]. В частности, А. И. Андреев и Е. А. Мосакова [6], В. А. Масич [7], С. Мусави-Заре и др. [8], С. О. Сергеев [9], С. П. Ткачук и Д. А. Митяев [10] показали, что наука и высшее образование (и национальная университетская система в целом) формируют значимые каналы внешнеполитического влияния и выступают проводниками «мягкой силы».

Допустимо предположить, что успешность использования «мягкой силы» для утверждения авторитета страны за счет научного потенциала зависит от качества последнего. Это утверждение отчасти

парадоксально, так как научный потенциал на первый взгляд может быть только качественным, а изменяется лишь его количество (число ученых). Однако в действительности ситуация сложнее. Одной лишь концентрации ученых в конкретной стране недостаточно для повышения ее научного потенциала. Эти ученые должны быть носителями современных, «прорывных», постоянно обновляемых знаний, что может быть обеспечено за счет высокой исследовательской активности на международном (но вовсе необязательно зарубежном) уровне. Проявлением ее выступают статьи в ведущих научных журналах, патенты (для технических специальностей), участие в статусных выставках и конкурсах (для творческих специальностей), а также прочие показатели научного лидерства (членство в редколлегиях научных журналов, рецензирование, экспертная деятельность, приглашенный статус и т. п.).

Целью настоящей работы является разбор актуальных негативных кейсов, которые четко указывают на случаи, когда недостаточное качество научного потенциала сдерживает успешное использование «мягкой силы». Иными словами, предлагается обоснование значимости данного фактора по принципу «от противного». Хотя два рассматриваемых кейса выбраны в силу исследовательского опыта автора, представляется, что они обладают должной репрезентативностью. Также они касаются сферы экологии,

которая в свете недавних выступлений Президента Российской Федерации видится особо важной для решения геополитических задач.

Кейс 1. Антропоген/антропоцен и отстаивание национального приоритета

С начала 2000-х гг. в мировой науке набирает популярность идея об антропоцене, под которым понимается современный интервал геологической истории, характеризующийся исключительным влиянием человека на окружающую среду. В настоящее время эта идея получила колоссальное распространение, сформировав основу не только для научных интерпретаций широкого комплекса экологических проблем, но и для обоснования государственной политики. Своими «корнями» она уходит к работе двадцатилетней давности [11], которая, по сути, является краткой декларацией нового научного видения экологической проблематики и формулировкой повестки глобальной исследовательской деятельности. Важно вспомнить, что довольно близкое (как по написанию, так и по смыслу) понятие «антропоген» было введено отечественным ученым А. П. Павловым в начале XX в. [12]. Оно было принято научным сообществом и активно использовалось во времена СССР, в том числе и в зарубежных публикациях советских специалистов. Иными словами, понятие не было маргинальным, а соответствующая литература была и остается широко доступной.

С учетом значимости идеи об антропоцене в современном научном и политическом дискурсе возникает закономерный вопрос о том, почему российская наука не заявляет активно о своем очевидном приоритете. Это позволило бы не только декларировать лидерство в постановке сверхважной научной задачи, но и уверенно продемонстрировать глобальное видение и традиции форсайта отечественной науки. Тем не менее анализ литературы в библиографических базах выявляет индифферентность и даже скептицизм отечественных ученых по отношению к новой идее. К числу немногочисленных удачных работ, прослеживающих связь между исследованиями российской школы начала XX в. и современными идеями, относится статья Е. И. Васильевой [13]. Однако вышеуказанное отстаивание приоритета предполагает более масштабные действия, включая публикацию программных статей в ведущих международных журналах и последующее освещение этой деятельности в средствах массовой информации и заявлениях государственных деятелей.

В качестве объяснения отмеченной выше индифферентности ученых может быть предложена недобросовестная конкуренция со стороны зарубежных коллег, целенаправленно игнорирующих российский приоритет и блокирующих попытки заявить о нем.

Однако это объяснение полностью несостоятельно. Во-первых, основополагающая работа [11] содержит прямые отсылки к работам российских ученых начала XX в., т. е. о замалчивании речь идти не может в принципе. Во-вторых, статьи советских специалистов, использующих понятие «антропоген», доступны в международных библиографических базах. В-третьих, авторский опыт опубликования работы [14], заявляющей в том числе о российском приоритете касательно антропогена/антропоцена, показывает, что подобные попытки не встречают какого-либо сопротивления со стороны иностранных коллег (рецензентов и редакторов международных журналов), и при должных желании и квалификации активно отстаивать такую позицию не составляет значительной трудности (тем более это касается столь необходимых коллективных работ).

Кейс 2. Планирование береговых зон и имидж страны

В 2021 г. в одном из ведущих международных научных журналов была опубликована статья с обзором национальных усилий по планированию береговых зон в европейских странах [15]. Авторы исследования опирались на мнения авторитетных экспертов, представлявших каждую из выбранных стран. Публикация данной статьи преследовала сугубо научные цели (без затрагивания национальных интересов и использования какой-либо специфической информации), но при этом, вполне очевидно, давала возможность продемонстрировать странам свои успехи и вклад в решение глобальной проблемы динамики береговых зон в связи с ожидаемыми изменениями климата. К сожалению, авторы исследования столкнулись со значительными трудностями при коммуникации с российскими экспертами. Помимо сложностей установления контакта с ними, оказалось проблематично получить квалифицированный и четкий ответ относительно открытых государственных инициатив по планированию береговых зон. В итоге у исследователей сформировалось мнение о том, что в России такие инициативы или отсутствуют (с учетом протяженности береговой линии это невероятно), или представители научного сообщества не в состоянии обрисовать их даже в общих чертах. В силу задач, стоявших перед авторами статьи, им пришлось сделать соответствующие пояснения в тексте (в довольно «мягкой» форме, не сопровождаемой какой-либо критикой).

Статьи в международных журналах такого уровня имеют огромное значение в мировом научном сообществе. Более того, их авторы нередко участвуют в обосновании решений организаций уровня ООН, ЮНЕСКО и т. п., касающихся глобальных проблем. Как следствие, ситуации, подобные описанной, несут

угрозу для имиджа страны как в научном сообществе, так и в политической сфере. Объяснением может служить объективно и субъективно необходимая замкнутость отечественного научного сообщества. Однако основной проблемой оказалось не столько нежелание его представителей обсуждать актуальную для Европы проблему, сколько низкое научное качество предоставленной ими информации. Следствием стал вклад в формирование негативного имиджа страны – как в сугубо научном плане, так и в отношении государственного видения глобальных экологических проблем. Более того, упущена возможность заявить об инновационной и экологической ориентации государственной деятельности, которая на самом деле существенна.

При обсуждении данного кейса может вновь возникнуть вопрос о том, что редакционная политика международных журналов формируется таким образом, чтобы ограничить продвижение национальных интересов и утверждения авторитета отдельных стран. Хотя этого нельзя исключить для отдельных (особенно маргинальных в научном плане) изданий, существуют успешные примеры опубликования российскими учеными статей по аналогичной тематике в высококласных журналах. В качестве одного из них приведем недавнюю блестящую работу А. В. Середы и др. [16], которые, помимо прочего, демонстрируют успехи страны, давая научное обоснование ее соответствующим геополитическим амбициям. Стоит учесть также и зарубежный опыт. Так, совместная статья китайских и финских ученых [17], опубликованная в одном из наиболее престижных международных журналов, анализирует инициативу Китая по интеграции в мировое пространство за счет укрепления торговых, финансовых, транспортных связей (по сути, это механизмы «мягкой силы»). Авторы исследования обращают внимание на устойчивость (социально-экономическую и экологическую) вдоль семи транснациональных коридоров, по которым планируется укрепление отмеченных связей. Данная статья являет собой пример успешного продвижения национальных интересов в академической среде. Стоит добавить, что данное исследование выявило значительную устойчивость России, рассматриваемой в составе одного из вышеуказанных коридоров, выгодно позиционируя и нашу страну. Иными словами, редакционные барьеры для подобного рода научных публикаций и соответствующего продвижения национальных интересов если и существуют, то невысоки и вполне преодолимы.

Обсуждение и выводы

Два разобранных выше кейса однозначно указывают на то, что, во-первых, исследовательская деятельность действительно имеет значение для утверждения

авторитета страны, а во-вторых, неудачи в использовании этого фактора не связаны с каким-либо внешними ограничениями, которые можно условно обозначить как политические. В связи с этим возникают два вопроса. Во-первых, насколько ограничен эффект такого рода кейсов? Во-вторых, в чем заключается действительная причина рассмотренных неудач?

Ответ на первый вопрос может показаться неочевидным, так как оба кейса касаются сугубо научных вопросов. Тем не менее выше уже отмечалось, что и идея об антропоцене, и вопросы планирования береговой зоны выходят далеко за рамки этой научной сферы, интересуя и средства массовой информации, и политиков. Они касаются острейших глобальных экологических проблем. Следовательно, безынициативность относительно российского приоритета в одном случае и проблемы с предоставлением экспертного мнения (в том числе в государственных интересах) в другом вполне можно признать упущениями в плане использования «мягкой силы».

Ответ на второй вопрос, напротив, кажется очевидным и связан с качеством научного потенциала. Чтобы уверенно отстаивать российский приоритет в идее об антропоцене, ученым необходима хорошая осведомленность об актуальной повестке мировой науки и способность реагировать на нее должным образом. Как минимум представители научного сообщества должны уметь самостоятельно готовить высококласные научные публикации (в том числе декларативного характера), что немислимо без участия в исследовательской деятельности мирового уровня. В другом случае для выражения экспертного мнения в национальных интересах (а также определения, когда оно должно быть выражено, а когда нет) ученые должны столь же корректно понимать актуальную повестку мировой науки, современные методы ведения исследований (в том числе опирающихся на международные экспертные пулы), а также участвовать в изучении важных для страны вопросов, используя новейший научный инструментарий.

Таким образом, удастся проследить влияние качества научного потенциала страны на успешность использования «мягкой силы». Из этого следует вывод о том, что любые усилия государства по поддержке отечественной науки (в том числе университетской) и ее выводу на международный уровень заслуживают всяческой поддержки и поощрения (речь идет, в частности, о национальном проекте «Наука», проекте «5–100», программе «Приоритет 2030», ужесточении научной отчетности вузов и ее значительной привязке к публикационной активности). Они формируют предпосылку для получения практического значения любыми высококласными исследованиями, независимо от их фундаментальной или прикладной

направленности и востребованности их результатов экономикой. Это значение связано с утверждением авторитета страны в мировом пространстве, решением геополитических задач. Ставшие обыденностью дискуссии о необходимости опубликования учеными результатов своих исследований в ведущих международных журналах с высокими значениями импакт-фактора или принадлежностью к высшим квартилям или отсутствию таковой вредны с политической точки зрения, так как, по сути, ставят под сомнение важность утверждения авторитета страны. Необходимость высококлассной публикационной активности не предмет для дискуссий, а императив государственного значения. Должное для успешности «мягкой силы» качество научного потенциала страны может быть достигнуто только в том случае, когда отечественные ученые будут массово и систематически вовлечены в высококлассные исследования, работая на равных с зарубежными коллегами, осваивая новейшие аналитические инструменты, обращаясь к действительно актуальным проблемам и обладая способностью активно участвовать в их решении. При этом рассмотренный фактор успешности «мягкой силы» зависит еще и от взаимодействия научного сообщества с государственными институтами, а также осознания им ответственности за утверждение авторитета страны и академического патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nye J. S., Jr: Bound To Lead : The Changing Nature Of American Power / J. S. Nye, Jr. – NY. : Basic Books, 1990. – 307 p.
  2. Аликин А. А. Мягкая сила и нормативная сила Европы : генеалогические истоки двух концепций мягкого влияния в международных отношениях / А. А. Аликин // Вестник Пермского университета. Политология. – 2017. – № 4. – С. 152–164.
  3. Демидов А. В. О возможности использования фактора «мягкой силы» во внутренней и внешней политике России / А. В. Демидов // Экономические стратегии. – 2014. – № 3. – С. 42–47.
  4. Domett T. Soft power in global politics? Diplomatic partners as transversal actors / T. Domett // Australian Journal of Political Science. – 2005. – V. 40. – P. 289–306.
  5. Nakano R. Heritage as soft power : Japan and China in international politics / R. Nakano, Y. Zhu // International Journal of Cultural Policy. – 2020. – V. 26. – P. 869–881.
  6. Андреев А. И. Российская наука как часть «мягкой силы» России / А. И. Андреев, Е. А. Мосакова // Экономика и управление : проблемы, решения. – 2016. – № 7. – С. 100–107.
  7. Масич В. А. Наука и образование как инструменты «мягкой силы» / В. А. Масич // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2015. – № 1. – С. 117–125.
  8. Mousavi Zare S. J. Analysis of the position of science and technology in the realm of hard, soft and smart power / S. J. Mousavi Zare, S. H. Zarghani, H. Azami // Geopolitics Quarterly. – 2017. – V. 13. – P. 103–138.
  9. Сергеев С. О. Международные университетские рейтинги как инструмент мягкой силы науки / С. О. Сергеев // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 37. – С. 112–115.
  10. Ткачук С. П. «Мягкая сила» науки и образования в развитии Евразийской экономической интеграции / С. П. Ткачев, Д. А. Митяев // Экономические стратегии. – 2018. – № 2. – С. 182–189.
  11. Crutzen P. J. The «Anthropocene» / P. J. Crutzen, E. F. Stoermer // Global Change Newsletter. – 2000. – V. 41. – P. 17.
  12. Стратиграфия СССР. Четвертичная система (полупом 1). – М. : Недра, 1982. – 443 с.
  13. Васильева Е. И. Наследие В. И. Вернадского и теория антропоцена / Е. И. Васильева // Вестник МНЭПУ. – 2019. – Т. 1. – С. 297–298.
  14. Ruban D. A. Geological Heritage of the Anthropocene Epoch – A Conceptual Viewpoint / D. A. Ruban // Heritage. – 2020. – V. 3. – P. 19–28.
  15. McEvoy S. How are European countries planning for sea level rise? / S. McEvoy, M. Haasnoot, R. Biesbroek // Ocean and Coastal Management. – 2021. – V. 203. – P. 105512.
  16. Sereda A. V. Contribution of an Integrated Maritime Policy to the Dialogue of Civilisations : The Asia-Pacific Case / A. V. Sereda [et al.] // Journal of Marine Science and Engineering. – 2021. – V. 9. – P. 610.
  17. Battamo A. Y. Mapping socio-ecological resilience along the seven economic corridors of the Belt and Road Initiative / A. Y. Battamo [et al.] // Journal of Cleaner Production. – 2021. – V. 309. – P. 127341.
- Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)
Рубан Д. А., доктор философии, кандидат геолого-минералогических наук, доцент, научный сотрудник
E-mail: ruban-d@mail.ru
- Moscow State University of Technologies and Management named after K. G. Razumovsky (the First Cossack University)
Ruban D. A., Philosophiae Doctor, Candidate of Geological-Mineralogical Sciences, Associate Professor, Researcher
E-mail: ruban-d@mail.ru